

У КАЖДОГО СВОЯ БРИГАНТИНА

Когда окружающие называют нас друзьями, я многозначительно улыбаюсь, потому что Зорий всегда зовет меня «братом». Кажется, я рядом с ним всю жизнь, ведь знакомы мы почти 50 лет. В сентябре 1963 года я, проработав несколько лет на Камчатке, улетал в Москву, а Зорий Балаян этим же самолетом прилетел с материка. Глядя на него, я подумал тогда: «Ой, как нелегко будет теплолюбивому кавказцу на этой морозной земле»... А лично мы познакомились через год, когда мне позвонил в Москву незнакомый мне человек и сказал: «У меня грустное известие: умер мой, я хорошо знаю, и ваш друг Боря Дубровин — редактор «Камчатского комсомольца». Завтра привезу гроб с телом в Москву. Надеюсь, мы встретимся в аэропорту. Меня зовут Зорий Балаян». Общее горе сблизило нас на всю жизнь. Во время командировок на Камчатку или в Ереван я гостил у Зория. Бывая в Москве, Зорий всегда останавливался в моем доме. Однажды он с моего телефона позвонил академику Андрею Сахарову. После мы посетили опального академика. Кстати, после этого визита я был занесен в «черные списки» и на два года стал невыездным... Это было в 1970 году. И помню, как долго и обстоятельно Зорий рассказывал знаменитому академику о судьбе своего Карабаха.

Нас, конечно, объединяла любовь к спорту, журналистика и неповторимая Камчатка. В 1980 году в Ереване, где я находился у него в гостях, беседу нашу тогда я записал на диктофон. Я, помнится, спросил его, а почему Камчатка? И он ответил: «Это у меня еще с первого класса — с последней парты, называемой “Камчаткой”». Запомнился его страстный рассказ о том, как он буквально требовал от комиссии распределить его на вулканический полуостров. «Мне стало душно на материке, — говорил он. — Я думал о будущем. Умею работать только для будущего. Камчатка переродит меня. Это не только вулканы и гейзеры. Это расстояние. Туда добраться — уже совершить путешествие. Я могу жить без кино и асфальта, но не могу без веры в себя. Я выхожу навстречу будущему и неизвестности, которая мне кажется известной. Всю жизнь

работал на мечту. Для других это незаметно. Впрочем, и для меня тоже. Мы ведь не замечаем воздуха, без которого нельзя жить. Пустите на Камчатку...

Теперь я знаю на вкус эту вулканическую землю. Видел ее, ходил по ней, чувствовал ее всю. На полуострове, который в полтора раза больше Италии, в восемьдесят пять раз больше моего Нагорного Карабаха, нет ни одного поселка, ни одного охотничьего домика, ни одного одинокого пастушечьего чума, где бы я ни бывал...»

Мы познакомились сейчас с фрагментами монолога одного из оригинальнейших людей, сумевшего совместить в себе десятки дарований. Назову лишь самые яркие.

Зорий Балаян — врач по образованию и призванию; собственный корреспондент «Литературной газеты» по должности; член Союза писателей СССР; мастер спорта СССР по водно-моторному спорту; мастер спорта и судья Всесоюзной категории по тяжелой атлетике, исходивший и изъездивший всю страну на лодках — десятки тысяч километров, а на собачьих упряжках — от Петропавловска до берегов Ледовитого океана; художник-график, сам оформляющий свои книги; многие наши общие друзья и знакомые всерьез называют его учеником великого телепата Вольфа Мессинга; краевед — автор исследований о жизни малых народностей Крайнего Севера, журналист, опубликовавший более пятисот очерков на страницах центральных и местных газет; кинематографист, по сценариям которого сняты три фильма; отец троих детей...

Рабочий кабинет путешественника в Ереване — точная копия камчатского. Напоминает музей: вдоль одной стены туго натянута рыбацкая сеть. В ячейках ее — звезды из Авачинской бухты, королевские крабы, ус кита, загарпуненного кем-то у берегов Антарктиды, челюсть акулы, пойманной кем-то в Индийском океане. На потолке вместо люстры висит огромный стеклянный шар — рыбацкий кухтыль — поплавок трала... В центре комнаты два стола. На каждом по пишущей машинке.

— Почему две машинки? — с удивлением спросил я Зория.

— Сейчас я живу какой-то двойной жизнью. Должен писать ежедневно об Армении. Но у меня есть долг, даже долги, перед Камчаткой. Камчатские пейзажи отличаются от сарьяновских тем, что на Севере солнце прохладнее. Мартирос Сергеевич это чувствовал. Когда-то он в нашем боржурнале написал: «... Желаю много солнца». В Армении я вижу величественные горы с белоснежными конунами. И на Камчатке десять лет их наблюдал. Но в Армении в соро-

каградусную жару из-под земли бьет ледяной родник. А там, за двенадцать тысяч километров от Еревана, в сорокаградусный мороз взметнулся вверх огромный кипящий гейзер, который так и называется «Великан»...

— Как ты успеваешь?

— Каждый день пишу. И ночью пишу. Часто встаю в пять утра, делаю зарядку, бурчу под нос, перефразируя Жана Жака Руссо: «Вставай скорей, земля уже полна работающими». Пять утра в Ереване — значит, на Камчатке уже тринадцать часов. Рабочий день в разгаре. Стараюсь жить и по ереванскому, и по камчатскому времени. Сил на «расщепление» еще хватает. Утром пишу книгу-отчет о путешествии на собачьих упряжках по камчатской тундре. Вечером сажусь за другую машинку — у которой в каретку заправлены страницы книги «Мой дед хлеб резал стоя». Это повесть о Нагорном Карабахе, о родине, о бабушке, который заменил мне отца.

Как-то мимоходом я упомянул о Вольфе Мессинге (см. очерк З. Балаяна о Мессинге в т. 3, стр. 84). А между тем был свидетелем их поистине большой дружбы. Достаточно сказать, что вместе с ним часто мы посещали Вольфа Григорьевича в Москве, и я видел, как он относится к Зорию. Добавлю и то, что Мессинг второй раз отправился с гастролями на Камчатку исключительно по просьбе Зория.

У себя дома Мессинг признался в том, что когда на Камчатке приглашал добровольцев на сцену, то уже тогда твердо знал: из огромного зала поднимется именно Зорий, за которым он пристально наблюдал. Мало того, Мессинг рассказал, как все время тогда чувствовал на себе влияние Зория. Признался и в том, что в какой-то момент пожелал, чтобы тот даже оставил зал. Позже они подолгу беседовали с глазу на глаз. Мне известно об их большом разговоре на тему о том, что нельзя даже пытаться по фотографии угадать, жив или не жив человек. Мессинг также очень высоко ценил страсть к путешествиям у Зория. Он говорил, что это Божий дар.

Я уже не говорю о том, как Зорий любил и высоко ценил Вольфа Григорьевича. Когда по телефону я сообщил ему о смерти Мессинга, явно чувствовал, что он плачет.

Зорий Балаян на полуострове работал врачом более десяти лет. В «Камчатском комсомольце» напечатал свои первые стихи, статьи и рассказы, сопровождая их своими рисунками. Он стал основателем и первым редактором спортивного приложения к «Камчатскому комсомольцу» — «Эстафеты». Бывало, в целом

номере от начала до конца были помещены его статьи, а то и десяток статей и заметок на разные темы... Позднее его «Заметки врача» появились в «Медицинской газете», «Литературной газете», «Советском спорте», «Комсомольской правде», в центральных журналах... Вышло в свет несколько книг — на армянском, русском, английском и других языках.

— Как на все хватало времени? — вопрос к нему. — Медицина, спорт, путешествия, литературная работа...

— Когда я работал на Камчатке, — улыбается Зорий, — времени свободного оставалось много. Тогда еще не был женат. Все сутки были в полном моем распоряжении. Придешь домой с работы в пургу — в двух шагах ни зги не видно. Уверенно могу сказать, что цивилизация была создана в перерывах между пургами... Дома каждый вечер обязательно заставлял себя записывать впечатления от прошедшего дня. Например, услышал разговор в приемной диспансера: «У меня дома есть один красный помидор. Уже пять дней берегу». — «А у меня свежий огурец». — «Давай поменяемся». — «На сколько дней?» Напечатав на машинке этот диалог, сделал пометку: «Это Камчатка». Именно так озаглавил первую публикацию в «Литературной газете» 9 октября 1968 года.

Мы стоим у огромной «Физической карты Советского Союза». Рядом висит карта двух полушарий. Жирной линией на ней проведены те маршруты, которые уже пройдены, и те, что еще ждут своего покорителя.

На карте и полушариях отмечен маршрут кругосветки. Спрашиваю:

— А это что такое?

— А это мечта. Главное — я мечтаю. Ведь верно сказано, что жалок тот, кто не мечтал и не мечтает.

Не случайно, если не сказать, вполне закономерно, что именно в руки Зория попали бесценные архивные документы. Он искал и нашел материалы о том, как зимой 1922–1923 годов небольшая группа красноармейцев на собаках преодолела камчатскую и чукотскую тундры. Двадцать молодых парней, разбившись на две группы, прошли через весь полуостров на север, к Берингову проливу. Более двух тысяч верст. Шли с боями и шли на бой. Шли, не подозревая, что им суждено завершить Гражданскую войну.

Вот такой бесценный клад оказался в руках Балаяна. Его камчатский друг, учитель и историк Михаил Порфирьевич Стельных, предложил Зорию Гайковичу на основе архивных данных написать книгу о юных бойцах, многие из которых впервые начали бриться после последнего выстрела в последнем бою.

Может быть, окажись на месте Балаяна другой литератор, он согласился бы с этим предложением, поблагодарил краеведа и со-творил бы книгу, а там, глядишь, и сценарий...

Но Зорий, прежде чем взяться за ответственное дело, решил сам пережить хоть немного из того, что пережили они — люди 20-х годов. Так было честнее. Так было, я бы сказал, по-балаяновски.

В ходе подготовки к походу Зорий много раз приезжал в Москву. Останавливался исключительно у меня. Я был в курсе, как он продуманно собирал экипаж, какую проводил громадную организационную работу и, как всегда, добился своего.

Двадцать девятого октября 1972 года четверо путешественников, среди них матрос Тихоокеанского флота Никита Михалков, одетых в теплые куртки, взяли старт из Петропавловска-Камчатского, с той самой улицы, где 50 лет назад по команде 25-летнего командира Григория Чубарова красноармейцы заняли места у собачьих упряжек и отправились в путь. И вот книжка его «Ледовый путь» помещена в 4-м томе семитомного собрания сочинений Зория Балаяна. Правда, я очень сомневаюсь, что в семи томах поместятся все его сочинения.

А теперь о других линиях на карте страны, висящей в кабинете Балаяна. Находим линию, ведущую с востока от Тихого океана — по рекам, озерам и морям нашей страны — до морей Атлантического бассейна... Это и есть знаменитый маршрут — трансконтинентальный переход на моторных лодках длиной в тридцать одну тысячу километров.

В 1965 году четыре водителя автобусов — камчатские путешественники Виктор Царев, Анатолий Гаврилин, Валентин и Анатолий Сальниковы совершили на самодельных лодках беспримерный переход от берегов Тихого океана до Москвы по внутренним водным артериям России. В Москве Виктор Царев и Валентин Сальников отказались от продолжения экспедиции. Два года оба Анатолия искали подмену, не зная о том, что на Камчатке есть человек, который во время двух своих отпусков вместе с сокурсниками-медиками, работающими в Сибири и на Дальнем Востоке, успел пройти чуть ли не по всем сибирским рекам. Это был камчатский врач Зорий Балаян. Обо всем Зорий рассказывает и в «Голубых дорогах», и в других своих книгах. Когда судьба свела всех троих вместе, Гаврилин и Сальников узнали планы Зория пройти по рекам Дальнего Востока, Сибири и европейской части страны, продолжить по рекам Европы до вод Атлантики... Но прежде, обязательно на крохотных лодках, одо-

леть практически все Балтийское море. Там от берегов Атлантики должно было начаться самое главное — уникальная кругосветка. О том, как и почему сорвалась реализация намечаемого при участии «ЛГ» первого в СССР проекта, подробно рассказывается в «Голубых дорогах».

В первый же день знакомства с Зорием Балаяном Сальников и Гаврилин поняли, что меняется весь формат путешествия, что это уже не отдых и не романтическое времяпрепровождение. Это — настоящая экспедиция, которую Балаян, по сути, уже начал. Зорий считал, что надо больше рассказывать об экспедиции и регулярно посылал в «Камчатскую правду» и «Камчатский комсомолец» репортажи. Как он успевал все это делать, находясь в тяжелых условиях трудных дорог, — одному Богу известно. В эту экспедицию — не просто по рекам, а по стране — он стремился вовлечь «Литературную газету», «Известия» и журнал «Катера и яхты». Кстати, ребят часто спрашивали: «Почему по рекам?» Собственно, об этом книга «Голубые дороги», которую Балаян посвящает своим соратникам, основоположникам трудного и мужественного вида спорта — дальнего плавания на спортивных лодках.

Ведь существует же на земле какой-то разумный эгоизм — затрачивать, чтобы приобретать. С радостью и гордостью хочу сказать, что я подружился с ребятами. Они, по сути, действительно все, в том числе и Зорий, стали основателями нового вида спорта и показали: почти все, что они делают, синтез и путешествия, и спорта, и проявления человеческого характера, это и умение познать себя, открыть в себе такое, о чем никогда не подозревал. Это — труд.

Дальние спортивные плавания являются кульминацией спорта. Настанет время и их назовут двадцати-, тридцати — или сорокоборьем. Появятся со временем свои рекорды, свои нормы.

Я счастлив, что имею прямое отношение к рождению песни камчатских аргонавтов. И об этом рассказал Зорий в своей книге. Особо запала мне в душу строфа, точнее, куплет:

Наш «Вулкан» и «Гейзер» по порядку
Ленты рек по глобусу прошли.
Ближе, чем далекая Камчатка,
На Земле не знали мы земли!

Несколько лет потребовалось Балаяну, чтобы создать полную книгу о своем трансконтинентальном переходе. Когда я спросил

Зоря: «Почему так долго тянул?» — он ответил: «Все время ловил себя на мысли, что в рукописи много местоимений — «я», «мы», «наши», «ваши». Да и издатели правильно предлагали вернуться к моим путевым заметкам и на этой базе создать книгу. Но время было упущено.

— Так ли это плохо — «я», «мы»? — спросил я тогда у писателя, врача и путешественника. — Речь ведь о конкретном походе, о живых людях. Кто тебя упрекнет в нескромности... Задумайся: о чем лирика Лермонтова? О его бабушке?..

В книге осталось очень много «я» и «мы».

Рад, что в «мы» хоть как-то, хоть где-то вписываюсь и я тоже.

*Анатолий ЮСИН,
журналист, лауреат премии
профессионального признания
«Лучшие перья России», профессор*